

РАЗГОВОР НА ЩЕКОТЛИВУЮ ТЕМУ

Никита Куркин

Десуверенизация — и в качестве инициативы сверху по отказу государства от своих суверенных прав, и как стихийный, неуправляемый процесс снизу — приобретает в соседних с Россией государствах довольно внушительные масштабы. Одной из первых ласточек будущей бури стали многотысячные митинги протеста в странах Прибалтики. Граждане, поставленные кризисом в тяжелейшие условия, потребовали оккупации своих стран Швецией — поскольку они не верили в способность своих государственных структур хоть как-то исправить экономическую ситуацию. Правительства этих республик, впрочем, еще не исполнились желанием отказать от собственной власти. Однако они охотно готовы поступиться определенной частью суверенных прав, особенно в области финансовой политики, в пользу международных кредитных организаций и ЕС.

Ничуть не менее серьезные процессы идут на территории Украины, где десуверенизация оказывается просто синонимом паралича систем управления — исполнительная власть в упоении пожирает саму себя при полном бездействии власти законодательной. Как Россия, так и европейские партнеры Киева фактически уже не могут найти в украинской столице собеседников по переговорам, чья подпись не утрачивала бы силы в момент высыхания чернил на договорах. И это только то, что происходит на европейском направлении. Кто может гарантировать долгосрочную стабильность государств Средней и Центральной Азии?

Тут наше повествование подходит к самому главному вопросу. Как сделать десуверенизацию стран, которые самим своим развитием поставлены на грань «рассыпания», процессом управляемым, при котором возможные негативные последствия для России и ЕС сведутся к приемлемому ми-

нимуму? **Возможна ли управляемая десуверенизация в принципе?**

Десуверенизация сама по себе, как отказ страны от части своих суверенных прав в пользу наднациональных структур, не является табу для европейских политиков — интеграционные процессы Европейского союза, собственно, и представляют собой процесс отказа от безусловного суверенитета. И этот процесс аккурат управляемый.

Гораздо сложнее с Россией. Для российского общественного сознания словосочетание «управляемая десуверенизация» скрывает страх утраты суверенитета и «внешнее управление» отнюдь не в интересах собственного населения. Подобная перспектива вполне стояла для страны на повестке дня в девяностые годы (возможное последствие войны в Чечне и

сового кризиса? Как проводить управляемую десуверенизацию и при каких условиях ее реализацию необходимо дополнять созданием структур протектората, а при каких — подкреплять их действие еще и формированием стабилизационных (миротворческих) сил? И, главное, при каких условиях подобные меры являются допустимыми, а при каких нет?

Дискуссия о допустимости вмешательства в дела суверенных стран шла несколькими волнами, но итоги прежних споров уже не вполне соответствуют современным реалиям. Мы помним и диспут вокруг суданской провинции

Как России управлять десуверенизацией несостоявшихся государств на ее границах?

дефолта 1998 года). Для патриотов она была чревата угрозой «ползучей регионализации» России. Для либералов — угрозой возрождения неких «имперских амбиций». Скорее всего, именно по причине этих не самых приятных воспоминаний общественная дискуссия на тему **«Как России (возможно, при согласии ЕС) управлять десуверенизацией несостоявшихся государств на ее границах?»** в нашей стране еще и не начиналась. А, между тем, она жизненно необходима и именно в контексте российских национальных интересов.

Вопросы для обсуждения серьезные. **Что такое государство-банкрот или несостоятельное государство в условиях глобального финан-**

Дарфур, необходимость присутствия в которой международных сил доказывалась «гуманитарной катастрофой», — подобный довод вызывает резкое несогласие со стороны суданских властей, отнюдь не готовых к десуверенизации. Были случаи и фактического распада государственности, при котором жители «рассыпавшейся» страны были готовы существовать и без нее. Пример — Сомали. И более близкие к нынешней ситуации случаи: один из островов Комор попросился под власть старой колониальной монополии — Франции, когда жители поняли, что с независимостью они не справляются. Что она стала обузой... ■